

КАРИНА
ДЕМИНА

ПО ТУ СТОРОНУ
ЖИЗНИ

— Магия, меняющая мир —

Карина Демина
По ту сторону жизни
Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/42281998>

К. Демина. По ту сторону жизни: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2019

ISBN 978-5-17-113400-6

Аннотация

<p>Если вас вернули в мир живых, значит, это кому-то нужно. Во всяком случае, у меня самой не было ни малейших причин воскресать. Впрочем, жаловаться я тоже не собираюсь, хотя родственники, уже поделившие мое состояние, возвращению не обрадовались. И не только они. Мое воскрешение милостью Плясуньи, покровительствующей нашему роду, неожиданно затронуло слишком многих. В числе их и давний враг нашего рода, почти истребивший его, и члены таинственной секты «Черного лотоса», проповедующей право сильных убивать, и даже древние такхары, желающие извести всех, кто поклоняется моей богине.</p> <p>И что мне делать?</p> <p>Смириться с нынешним моим состоянием.</p> <p>Выжить.</p> <p>Найти и

наказать виновных, исполняя божественную волю. А дальше...
будет видно.</p><p>И не мне одной.</p>

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Карина Демина

По ту сторону жизни

© К. Демина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

Глава 1

Воскрешение – процесс долгий, это я не только осознала, но и прочувствовала сполна. В первый день сознание возвращалось рывками. Даже не сознание, а скорее способность воспринимать происходящее...

Окно в спальне небрежно завешено темной тканью.

Кто-то с кем-то шепотом спорит, что гроб из белого дуба – это непозволительная роскошь. Наверняка тетушка Фелиция, которая и в прежние-то времена славилась редкостным скупердяйством. Помнится, она в гостях сахару в чай вдвое больше клала, нежели дома...

Песни заунывные и невпопад.

То ли тетушка взяла дело моих похорон в собственные руки и плакальщиц наняла самых дешевых, то ли пели они уже давно и изрядно успели подустать, главное, голоса их звенящие раздражали куда более прикосновений. Их я тоже ощущала.

Вот чьи-то ручки обшаривают платье – белое, свадебное, кто ж знал, что и вправду пригодится, как по мне, на редкость глупый обычай, – норовя добраться до жемчужных пуговок. И тетушка Нинелия сопит, ибо ростом она мала, а позвать кого-то совесть мешает. Или жадность?

Я не определилась.

Главное, что в следующее возвращение ясно поняла – пу-

говицы заменили. Даже не так, просто срезали, а рукава прихватили на живую нитку. Со стороны вовсе незаметно... а так... куда мне ходить?

Кто ж знал, что я воскресну?

Явление это не то чтобы вовсе невозможное, особенно в семье, прапрадед которой умудрился и себя и всех потомков своих посвятить Плясунье, – подозреваю, досталось ему от родственников знатно, – но последний подобный случай был отмечен лет этак двести тому... из достоверных.

Пятка чесалась. И туфли слетели.

Купили в магазине подходящие, бумажные. Помнится, та же тетушка Нинелия в прошлый свой визит очень подробно объясняла, что у мертвецов ноги отекают, а потому обычными туфлями никак не воспользуешься...

Тетушка держала небольшую похоронную контору. Интересно, сделала мне скидку или, напротив, навернула процентов сорок-пятьдесят сверху, рассчитывая, что наследство покроет?

О нем они большей частью и говорили. Рядились, оставила ли я завещание, а если и так, то получится его оспорить? Зная меня, родственнички ничего хорошего не ждали, оно и верно, если бы я планировала умереть и озаботилась завещанием, им бы достался кукиш. Возможно, с маслом.

А так... непредусмотрительно, конечно, но в двадцать пять лет о бренном и вопросах, связанных с переходом в мир иной, как-то не задумываешься.

Может, я потому и воскресла?

Кто знает... Дедушка, будь он жив, несомненно, сумел бы объяснить, но он отошел в чертоги покровительницы нашей еще тринадцать лет тому, прихватив заодно и моих родителей, – эксперименты над темной материей крайне опасны. Я же осталась на попечение бабушки и многочисленной родни, горевшей желанием пригреть сиротку. Благо характер у бабули был кремень, даром, что ли, ведьма темная потомственная. Главное, что родне она скрутила жирную фигу, а мне, по всеобщему мнению, изрядно испортила характер. Это они зря, он у меня от рождения был не самым лучшим.

А бабуля...

Она любила деда, пусть и ругалась на него... додумался работать на открытом полигоне... упустил, недосмотрел... главное, ушел раньше, а обещал, мол, в один день. И когда бабуля поняла, что я вполне способна справиться своими силами, она ушла. Тихо. Во сне.

Вот тут-то родня и зашевелилась... Как же, шестнадцатилетняя кроха и одна в большом темном доме. Ей, небось, страшно и неудобно, и вообще, пусть она кроха согласно эдикту и считается совершеннолетней, а также имеет полное право распоряжаться имуществом, всем же очевидно, что это издержки прошлого. Современные дети взрослеют позже, а девочкам, даже очень хорошеньким, семейные состояния доверять нельзя...

Доставали они меня своей опекой и требованиями подпи-

сать генеральную доверенность преизрядно. А потому родню я выставила. Не без помощи адвокатов, благо Аарон Маркович дело свое знал, да и клятва его признала меня истинной наследницей... и понеслось.

Приглашения на чай. Визиты в гости... особенно тетушка Фелиция старалась, которая была не просто теткой, но двоюродной и в запасе имела двоих сыновей весьма смазливой наружности и подходящего характера. То есть ей казалось, что если мальчики слушают маму, то подходят мне, глупенькой... а что я своего счастья не разумею, на то и приворотные имеются.

Правда, когда я напоила таковым Юстасика, тетушка устроила скандал. Я пригрозила расследованием и полным отлучением от финансовых потоков, была обозвана бессердечной стервой и...

А не они ли меня отравили?

У тетушки Фелиции лавка, правда, не знаю, чем они там торгуют, но своих кузенов я имела возможность созерцать в игровом доме, да и не только там. Все же Дьюстерештадт, как ни крути, пусть и осененный благодатью короны – кто бы еще объяснил, в чем она проявляется, – городок маленький. В нем сложно не пересечься, особенно людям, ищущим, где бы потратить деньги. И сомневаюсь, что лавка тетушки Фелиции приносит доход, которого бы хватило на веселую ночь в «Зеленом петухе».

Или не она? Не то чтобы я вовсе отвергала эту возмож-

ность, духу у тетушки, невзирая на всю ее набожность и грамоту, врученную в прошлом году советом как самой благочестивой особе пресветлого Салецкого прихода, хватит... а вот с возможностью сложнее.

После того скандала она в гости не заглядывала. Да и я носить визиты не стремилась. С кузенами мы пересекались, но делали вид, что друг с другом не знакомы. Согласитесь, отравить кого-то на расстоянии довольно сложно. Не говорю, что вовсе невозможно, но... тетушка не особо умна, а кузены и вовсе.

Нет, это не они...

Самое противное, что я совершенно ясно осознавала, что мертва, но в то же время не могла вспомнить, как это произошло.

Болезнь? Наверное, я бы запомнила. Несчастный случай? Убийство... но чужих здесь нет, а если бы меня убили, расследование проводилось бы. В этом случае присутствие штатного мага на похоронах обязательно, не говоря уже о некромантах. Скоропостижная кончина? Меня определенно не вскрывали... значит, все-таки несчастный случай. Обидно.

На третий день, когда тело мое вместе с гробом – все-таки не белый дуб и вовсе не дуб, но обыкновенная подкрашенная сосна, которую изнутри даже не потрудились почистить от заусениц, – спустили в склеп, ко мне вернулась способность видеть.

Причем в кромешной темноте. Оно и понятно, на кого в склепе световые шары тратить?

Крышку заколачивать не стали, спасибо Кхари за традиции, которые я только теперь смогла оценить в полной мере. Не думаю, что мне бы понравилась кремация, а ведь дядюшка Фердинанд о ней упомянул. Вскользь, конечно... мол, на Островах принято... избавляет от многих проблем... да, он провел на Островах двадцать лет, но это еще не повод тащить сюда все благоприобретенные дурные привычки.

Тетушка Фелиция отвергла предложение с гневом, о чем, подозреваю, она не единожды еще пожалеет... дайте только встать в полной мере. Пока же я лежала тихо, радуясь, что была единственной одаренной в нашем захиревшем роду. Как-то вот... очень сомнительно, что родственники обрадуются моему возвращению. А с ним и факту, что наследство ускользнет...

У Нинелии дочь. От первого брака. Если подумать, то она к нашему роду относится весьма условно. Будучи родной сестрой моей матушки, Нинелия в свои шестнадцать сбежала из дому, дабы сочетаться браком с личностью подозрительной, которая затем проявила себя во всей красе, оказавшись четырежды многоженцем, мошенником и беглым каторжником, что уж ни в какие ворота не лезло. Это мне бабушка рассказала, чтобы я не слишком близко принимала к сердцу тетушкины стенания о моей недостаточной религиозности. Мол, сама нагулялась, а теперь готова лоб о храмо-

вые плиты разбить, демонстрируя Светозарному рвение.

Ага...

Второй раз она вышла замуж благодаря матушке, вернее, немалой сумме, которую положили в приданое. И подозреваю, что тот мужичок болезного вида, которого я встречала то ли дважды, то ли трижды, не слишком-то устраивал ее в роли мужа, но выбора, как говорится, не было...

А ведь он тоже скончался в прошлом году. Скоропостижно. И тетушка запретила вскрытие, а ее репутации идеальной прихожанки хватило, чтобы отвести всякие подозрения. Правда, штатный некромант все равно на похоронах присутствовал, породив изрядно сплетен, которые, подозреваю, крепко репутацию подпортили...

Нет, одно дело мелкий торговец и совсем другое – последняя из рода Вирхдаммтервег.

Хотелось бы думать, что к моей смерти отнеслись серьезней...

– Как живая... – Этот голос принадлежал дядюшке Мортимеру, который с виду был личностью на редкость безобидной. Лысоватый толстячок с пухлыми щечками. Мне всегда хотелось за эти щечки ущипнуть, но...

Дядюшка был известным в городе ростовщиком. И репутацию в определенных кругах имел такую, что связываться с ним рисковали лишь в самых безнадежных случаях.

Этот бы, пожалуй, смог и яду плеснуть или нанять пару-другую молодцев, чтобы проучить зазнавшуюся девчон-

ку, как пару лет тому назад, когда я, не выбирая выражений, выставила его из дому.

Не люблю лицемеров.

А та парочка... доказать ничего не вышло. Мне еще повезло, что нестабильная моя сила – а дядюшка знал об этом маленьком недостатке, помешавшем получить мне нормальное образование, – соизволила очнуться и прийти на помощь.

От тех двоих осталась кучка праха.

А мне пришлось полгода посещать участок, доказывая, что в действиях моих не было злого умысла. И подозреваю, что эта внезапная пристрастность – к ведьмам в обществе относились с пониманием – тоже была следствием дядюшкиных стараний.

А теперь? Мы давненько не пересекались. Он предпочитал держаться в тени, играя в примерного семьянина... Правда, четвертая жена его была моложе меня, а куда подевались предыдущие три, не знал никто, но это еще не повод подозревать такого милого человека в дурном.

Тем более в тот раз мы друг друга поняли. Или, скорее, ощутив на своей шее жгут отсроченного проклятья, дядюшка счел за лучшее не связываться...

Нашел способ снять? Или... если жив, то он к моей смерти отношения не имеет.

– Не понимаю, зачем это все, – тетушка Нинелия поежилась и поспешила запахнуть манто.

Норковое. Мое. Из последней коллекции, которое я и примерить не успела... вот же, добралась до гардероба. И не она одна, если Фелиция манто не содрала. А кухня моя бледная жемчуга нацепила. Это еще ладно, жемчуга я никогда не любила, но все равно обидно. Может, я их на благотворительность отписала.

Следовало бы.

– Обычай... – Дядюшка погладил по ручке хрупкую свою женушку, которая производила впечатление слегка блаженной. Стоит. Улыбается. Взгляд отрешенный... и течение жизненных потоков нарушено.

А вот, кажется, и отгадка. Дядюшка их пьет.

То-то он всегда бодр и весел, и здоровьем своим прихвастнуть любит... ай, до чего нехорошо. И незаконно, если подумать...

Почему никто не заметил? Не обратили внимания? Или... поговаривают, что дядюшка мой когда-то крепко выручил нынешнего начальника жандармерии, и тот преисполнился благодарности, но не настолько же... или... зрение мое было немного странноватым, расплывчатым. Я не видела лиц, точнее, воспринимала их такими белесыми пятнами, а вот энергия – дело другое... Вот это синее пятно, вызывающее дрожь и частично рассеивающее потоки, не амулет ли?

– Все равно это глупо, торчать здесь семь дней, – проворчала тетушка.

– Полтора миллиона марок на четверых – достаточный по-

вод...

Несколько больше, что бы они себе ни думали, но с семейным состоянием я управлялась вполне прилично, за последние годы изрядно его приумножив. И тем обиднее отдавать будет этим...

Обойдутся.

– На четверых, – тетушка Фелиция не стала скрывать раздражения. – В конце концов, я не понимаю, почему мы должны делить на четверых...

Я тоже.

Мое состояние останется со мной, ибо согласно Кодексу вернувшиеся силой Кхари уравнивались в правах с живыми и, что гораздо актуальнее в моем положении, наследовали собственное имущество...

– ...в ней нет нашей крови...

Тетушка Нинелия поджала губы и сложенными щепотью пальцами коснулась лба, мол, прощаю тебе подобные речи и помыслы мои светлы...

Эти двое всегда друг друга тихо ненавидели. Слишком уж похожи были.

– В книге есть запись, – отступить Нинелия не собиралась, что весьма разумно, поскольку одно дело меха, а другое – больше четверти миллиона марок, которых хватило бы, чтобы выдать мою дебелую кузинушку замуж, да и на домик у моря осталось бы.

– Твой брат, Морти, совершил очередную глупость, а мы

должны мириться... – Фелиция поправила белые розы, которые поставили у моего гроба. Вот тоже странность, я прекрасно вижу, что цветы ненастоящие, наверняка взяты в конторе Нинелии и на своем веку, весьма, подозреваю, немало, видели не одни похороны.

Все-таки скупая у меня родня. Могли бы и свежих срывать...

– Не обязательно, не обязательно... – Голос моего дядюшки источал мед.

Зато теперь понятно, почему у него детей нет. И не в невезении дело, а в том, что беременность требует хорошего запаса жизненных сил, а они все на кормление дядюшки уходят.

Ничего. Вот воскресну окончательно, тогда и поговорим... не то, чтобы я такая уж поборница справедливости и закон блюду, но есть вещи, на которые нельзя закрывать глаза.

Мои закрыты.

Я только сейчас это сполна осознала. Труп с открытыми глазами внушал бы определенное подозрение, да и не по обычаю это... главное, что, кажется, еще и воском залили. Нет, что-то там такое тетушка рассказывала, но мне это представлялось выдумкой. А на деле... если этот их воск с ресницами отдирать придется, я им всем...

– В суд подам! – взвизгнула Нинелия, почуяв, что долгожданное наследство может пройти мимо.

Это они еще все не знают...

– Дорогая, зачем нам суд? – Дядюшка переместился поближе. – Ты же прекрасно понимаешь, что эти деньги принадлежат семье... и должны в семье остаться...

Ага, только сам он об этой семье вспоминал, исключительно когда возникала необходимость взять займы. Правда, случалось это задолго до моего рождения, ибо позже дядя кардинально пересмотрел жизненную позицию, предпочитая деньги копить, нежели тратить, но...

– Есть закон...

И закон на стороне Нинелии. В родовую книгу ее внесли, причем вместе с дочерью, ибо тогда над ней еще довлело клеймо незаконнорожденности, а следовательно, в род приняли со всеми вытекающими последствиями. Уж не знаю, с чего это дедушка так расщедрился, обычно он проявлял куда больше здравомыслия.

– А есть правда... ты женщина благоразумная... ты не захочешь проблем...

Он потянул Нинелию за собой, а до меня донеслось:

– ...ты же понимаешь, что в этой жизни все неоднозначно, и бывает, что сиюминутная выгода приносит...

Интересно, а к ней он кого подошлет?

Все-таки мерзкие существа, мои родственники. Тетушка Фелиция пробормотала что-то, и отнюдь не молитву, помянув и меня, и матушку мою, которая чем-то ей насолила, поправила грязные розы и удалилась, оставив меня наедине с

дядюшкой Фердинандом.

Вот уж кого я не понимала. Точнее... мы встречались дважды. Первый раз, когда он вернулся на родину и наносил череду обязательных визитов, являя себя обществу, – тогда мы очень нудно и без малейшего удовольствия пили чай, беседуя о погоде. А второй, когда я, поддавшись любопытству, отправилась на его лекцию, посвященную особенностям островной магии.

Было интересно. Очень.

Если бы дядюшка еще не полагал женщин существами низкими, неспособными к мышлению и вообще к самостоятельной жизни, мы бы, пожалуй, подружились. Но на меня он смотрел с недоумением, явно не понимая, как вышло, что особа столь сомнительных интеллектуальных качеств оказалась во главе рода.

Если бы дядюшка был магом, если хотя бы спящим даром обладал, он бы, несомненно, сделал все, чтобы восстановить справедливость, но... боги явно были против.

С божьей волей спорить бессмысленно, но и любить меня он не был обязан.

– Интересно, – сказал дядюшка, склонившись над гробом. А я ощутила запах сигар и бальзамической жидкости. – Очень интересно... надеюсь, дорогая племянница, вы не станете затягивать...

Он поправил галстук.

– ...хватает, знаете ли, своих дел...

Догадался? Понял?

Но... главное, вмешиваться не станет... а ведь мог бы... я сейчас беспомощна, достаточно отрубить голову и... не стоит думать о грустном. Я уже мертва, а второй раз умереть, конечно, обидно, но и только.

Меня оставили в тишине.

Глава 2

Склеп... Я заглядывала сюда раньше.

День рождения матушки и белые камелии. Бабушка предпочитала азалии. А дед вообще цветов терпеть не мог. Ему я приносила солодовый виски, лед и свежую газету. Мало ли... я бы вот сейчас от свежей газеты не отказалась, все не так тоскливо лежать.

Надеюсь, за прошедшие дни рынок акций не рухнул, а Южная Колониальная приросла за счет монополии на какао-бобы, которую им удалось пропихнуть, уж не знаю, какой ценой, строительство канала продолжается, а Ферейская компания наладила поставки чая... Надо было бы прикупить еще акций Мальтийского союза. В последний год они хорошо прибавили для молодой компании, которая только-только влезла в колониальную торговлю, умудрившись отхватить себе неплохой кусок ее. Полагаю, во многом благодаря родственным связям основателя ее с французской короной. Конечно, родство это отрицали, но... знающему довольно портретов – горбатый нос и вялый подбородок подделать куда сложнее, чем родословную...

Тоска... И ни души... Оно и логично, что им здесь делать? Ушли на перерождение, поскольку, помнится, даже звезда некромантов не сумела докричаться до деда. А может, и докричалась, но была послана в полном составе... никто так и

не понял, что тогда произошло.

Эксперимент с темной материей, чтоб его...

Но какой? И почему проводили его на полигоне открытого типа? Куда смотрела служба безопасности?

Лабораторию, помнится, тогда не просто зачистили от бумаг, они и панели сняли, и стены бы вынесли, не будь эти стены частью дома. Кажется, мы с бабушкой тогда вынуждены были переехать в городскую квартиру, и теперь я понимаю, что не по собственному желанию, но...

Что бы там ни нашли, это было объявлено государственной тайной, похоронено и забыто. А мне, когда возникло желание понять, что же, собственно говоря, произошло, ибо весьма сомнительной показалась версия, что два опытных некроманта и темная ведьма допустили одну ошибку, которая и привела к выбросу – было настоятельно рекомендовано не лезть в дела, слишком сложные для разума девичьего.

Я отступила. Зря.

Вот... есть у меня ощущение, что воскресла я не просто так.

Все равно тоска. Тело мертвое, неудобное. Я попыталась пошевелить пальцем... и кажется, получилось. Мизинец дернулся и, видят боги, это было неприятно. Боль? Отнюдь, скорее ощущение, что кожа вот-вот треснет, а мышцы рассыплются прахом. Я их ощущала вполне явственно.

Надеюсь, временное явление...

А склеп, оказывается, преинтересное местечко. Раньше

как-то вот не обращала внимания, а... ладно, то что находится он не на кладбище, как принято, а в катакомбах под домом, еще можно объяснить странностями владельцев, но почему круглый?

В центре возвышение, на которое полагалось ставить гроб с мертвецом...

От отца, деда и мамы почти ничего не осталось, но бабушка, помню, много ругалась с кем-то... обычай... правила... души не найдут успокоения... Мы потом спускались к этому постаменту, и я прекрасно помню три закрытых гроба, которые с трудом вместились на один камень.

Свечи вокруг.

Бабушка сама их расставляла, а я помогала. Помню теплый воск, который льнул к пальцам, и горьковатый привкус дыма. Свое желание уйти...

Мне свечей не поставили.

Конечно, это ведь в родовой книге не написано, а значит, утруждаться не стоит.

Я вздохнула... и задышала. И вновь же ощущение не самое приятное, будто что-то внутри раздирается, расплзается по кускам. Сердце ухнуло и застыло. Вновь дернулось. Забилося, но гораздо медленней, чем у живых. Тяжелее.

А вместо крови у меня, получается, энергонасыщенная плазма...

Стало теплее. По ощущениям, а на потолке проявился узор. Нет, он всегда там был, завитки и линии, в которых

прятались твари удивительного, а порой и уродливого вида. Но теперь стало очевидно, что этот рисунок был призван скрыть иной, настоящий.

Идеальная шестиугольная звезда.

Старые руны, которые вспыхивали одна за другой, заставляя нити силы тянуться, складываясь в огромную печать. Она была мне знакома. Да и любому, кто когда-либо давал себе труд заглянуть в храм Плясуны, но... эта печать несколько отличалась.

Она была... полнее?

Логичней?

А мое тело наполнялось силой. Легкой и звенящей, свежей, что вода в ручье... это было, пожалуй, больно. И еще невероятно. И... невозможно?

Нити силы уходили в пол, на котором, отражением верхней, появлялась другая печать. Она отличалась лишь парой символов. И те были мне неизвестны, хотя, видит покровительница нашего рода, в том, что касалось науки, я была куда как усердна...

Забытые знаки.

Запрещенные?

Та ли легендарная потерянная сила, некогда возвысившая Империю над другими странами? Если так, то неудивительно, что ее спрятали среди других узоров.

Дышать стало легче, пусть и дыхание это было менее глубоким, чем у живых. Зато я смогла пошевелить рукой... и

второй тоже... и почти приготовилась сесть в гробу, когда дверь хлопнула.

К счастью, на рисунок силы это несколько не повлияло. Линии, дрогнувшие было, выпрямились, а вливавшийся в меня поток не ослабел. Тело мое медленно, но верно изменялось под действием этой силы, мне же оставалось расслабиться и представить, что я все-таки мертва. А то мало ли...

– Ты уверен? – не узнать блеющий голосок кухни было невозможно.

Честно говоря, мы с ней не слишком ладили.

Да и как... она была тихой. Смиренной. И незаметной, но при этом обладала удивительнейшей способностью раздражать одним фактом своего существования. Стоило вспомнить потупленные глазки и шепоток, которым она отвечала на чужие вопросы, как меня передернуло.

– Здесь нас точно не станут искать, – а это уже кузен.

Полечка.

Вообще в миру его нарекли Аполлинарием, уж не знаю, чья это большая фантазия обрела жизнь, но имя свое Полечка тихо ненавидел, как, подозреваю, и матушку, заставлявшую держаться приличий.

Сама она в молодые годы немало погуляла. А что? Бабушка про всех рассказывала, и если сыновей своих хоть как-то щадила, выдавая лишь ту информацию, которая могла быть полезна, то тетушкам досталось по полной... В годы юные Фелиция крутила роман за романом, а порой и одновремен-

но, несмотря на то что общество в далекие те времена к подобным штукам относилось с куда меньшим пониманием. Нет, она пыталась блюсти тайну, но...

Городок наш, как говорится, еще та дыра... а дуэль, случившаяся из-за прекрасных глаз юной Фелиции и вовсе событие из ряда вон выходящее. И ладно бы просто дуэль, но ведь со смертельным исходом, а это уже дело уголовное, пусть и смерть приключилась исключительно ввиду глупости одного дуэлянта и невезучести другого, но...

Тетушку отослали, в город она вернулась через несколько лет солидной замужней дамой, обремененной двумя детьми, в которых души не чаяла...

Смачный звук поцелуя заставил меня скривиться.

Вот уж...

Денег на открытие лавки ей выделили, дом в пригороде приобрели, но почему-то тетушка все равно решила, что ее глубоко обидели, не дав открытого доступа к семейному кошельку. Обида ее росла год от года, крепла и окончательно оформилась, когда еще бабуля моя отказалась купить Полечке корабль. В том аккурат проснулась жажда путешествий заодно с уверенностью, что в северных колониях не озолотится лишь последний дурак. Само собой, себя Полечка дураком не считал. Для исполнения гениального плана не хватало лишь малости, в коей бабуля взяла и отказала.

В самом деле, чего ей стоило? Я бы, например, пожертвовала парой тысяч талеров, только бы спровадить Полечку

за моря дальние. А то бабушка пожалела дурака, мне теперь мучайся...

Но каков хват... И кухня хороша, куда только скромность былая подевалась. Я даже подвинулась, слегка поменяв положение, чтобы видно было лучше. А что, если места другого в доме не нашлось, то кто виноват? Здесь, между прочим, с полсотни комнат. И чердак есть. И подвалы... а его в склеп потянуло. Охальник.

Меж тем парочка частично лишилась одежды, и кухня уточнила:

– Ты ведь расскажешь маме теперь...

– Расскажу, – пропыхтел Полечка, выпутываясь из штанов. А носки с подтяжками оставил, и свитерок с рубашкой...

– Нам больше нет нужды скрываться... – Она впилась в Полечку поцелуем и повисла на шее, не замечая, как тот скривился. Конечно, кузен жениться не намеревался, во всяком случае в обозримом будущем. Интересно, он по дури с ней связался или с братцем поспорил?

В любом случае так просто добычу кухня не упустит. А про скрываться она зря. Даже если бы я не собиралась в ближайшее время воскреснуть окончательно – нити силы изрядно ослабели, а значит, процесс двигался к завершению, – деньги в любом случае получила бы тетушка Фелиция. И сомневаюсь, что она настолько великодушна, чтобы отказаться от наследства в пользу безголовых своих сыновей.

А кухня у меня не так уж безнадежна, судя по фигурке. И зачем только она себя прячет в этих безразмерных свитерах и мешковатых платьицах, длиной до середины голени? Коленки круглые. Чулочки шелковые. Поясок для подвязок кружевной. Надеюсь, не в моем ящике для белья прихватила. Хотя я посубтильней буду, особенно в бедрах. Значит, собственный, что радует несказанно.

– ...мы купим корабль...

Я вам даже два выделю, если уберетесь, а то как-то чудо воскрешения происходит в обстановке совершенно к тому не располагающей.

...и волосы распустила. Рыжие. Ишь ты. А лопатки у нее веснушчатые. Кузен сопит, возится чего-то... определенно, не герой-любовник.

– ...отправимся на Винейские острова... – Она запрокинула голову, этакий отработанно-картинный жест. – И будем жить там вдвоем...

В хижине из пальмовых листьев. Похоже, подобная мысляшка и кузену в голову пришла, потому как он изволил скривиться.

– ...в любви и согласии...

Она устроилась сверху и ручку на шее пристроила. А что, пальчики у кузины музыкальные, с детства она играет на клавишине, репетирует много... такими если вцепиться хорошенько, то и гортань выдрать можно. А двигается вполне себе.

И вопрос, кто кого действительно соблазнил... Правда, ответ мне не так уж и нужен, потому что нити рассеялись, а я ощутила в себе необычайное желание действовать.

Кузен постанывал и похрюкивал. Кузина скакала, уже не фантазируя на тему счастливого будущего. И кажется, оба в достаточной мере увлеклись процессом, чтобы не обращать внимания на происходящее вокруг.

Это зря. Определенно.

Я села в гробу. Проморгалась. Покрутила руками, убеждаясь, что и руки меня слушаются, и вообще новообретенное тело не спешит развалиться на куски. А после хрипловатым таким чужим в звучании голосом сказала:

– Бу!

Кузина повернулась. Замерла.

Открыла рот... и право слово, лучше бы заверещала, как я на то надеялась, ибо в следующее мгновение произошло то, что в медицине именуется скромно спазмом нижних мышц.

Сюрприз семейству удался.

Глава 3

Спустя два часа мейстер Виннерхорф покидал наш дом, отягощенный новым знанием, против которого он никогда не возражал, и весьма солидным чеком. Подозреваю, последний был выписан дядюшкой не столько из желания отблагодарить мастера, приехавшего по вызову незамедлительно, сколько обеспечить его молчание.

– Это все он. – Тетушка Нинелия в сотый раз вознесла взгляд к потолку и руки картинно заломила. Обычно унылое выражение ее лица исчезло, и тетушка, оставшаяся без привычной маски, радовала прочих разнообразием гримас.

И обида. И злость. И гнев, и еще что-то... страх?

– Соблазнил мою девочку...

– Твоя девочка сама ему проходу не давала! – взвизгнула тетушка Фелиция, и я поморщилась. Слушать одну и ту же песню третий час кряду, признаться, надоело. Могли бы проявить больше уважения к покойной и не устраивать разборок.

Я отщипнула виноградинку и закинула в рот. Зажмурилась.

Признаюсь, были некоторые опасения... Скажем, те же личи, согласно научным данным, несмотря на развитый мозг и явные способности не только к мышлению, но и к обучению, и даже к весьма сложным действиям, напрочь лишены

чувства вкуса. И я вовсе не о том вкусе, который заставляет их рядиться в гнилое тряпье... Об упырях и прочей низшей нечисти и упоминать не следует. Я, к счастью, упырем не была, да и от лича, крепко подозреваю, отличалась и в лучшую сторону – во всяком случае желания немедля вонзить клыки в шею дядюшки не возникало.

Виноград был кисловат. А местами и темноват. Подмороженный взяли... или это кухарка, решив, что в этой суматохе все равно не до нее, решила сэкономить, а сэкономленное сунуть в карман? Надо будет разобраться. Живая я или не очень, но беспорядка в доме не потерплю.

– Теперь она опозорена...

– Сама виновата. – Я забралась на подоконник и потрогала веночек из флердоранжа, который не просто водрузили на голову, но и закрепили дюжиной шпилек. Главное, что волосы залили лаком и столь густо, что просто взять и избавиться от украшения не представлялось возможным.

– Именно! – взвизгнула Фелиция.

Но Нинелия заломила руки.

– А твой сынок вообще трахает все, что движется...

...а вот клубнику я зимой не брала. Во-первых, тепличная почти лишена и вкуса, и аромата, а во-вторых, деньги за нее дерут совершенно неприличные.

Магия, мол... Земли...

Может, в столице где-то и тратят силы на такую ерунду, как клубника, у нас же теплицы стоят на теплых ключах, от-

сюда и профит, а что приедем впаривают, мол, от этой воды она полезной становится, так это старое развлечение. И стабильный доход. У нас, в отличие от иных курортных городков, свое направление...

– А ты... ты... – Тетушка Фелиция вытянула дрожащую руку. – Ты... даже помереть нормально не смогла!

– Ага, – согласилась я, выбрав клубнику покрупнее. С виду та была хороша, темно-красная, глянцевая, с россыпью желтых семечек... а на вкус... Сомнительно. Хрустит, что огурец. И пресная... может, если в сахар обмакнуть, лучше станет? Я поискала глазами сахарницу... Ага, стоит на кофейном столике, рядом с пустыми чашками. И что характерно, кофе уже давненько выпит, а посуда не убрана.

Вот тебе и умри на пару дней, слуги моментально распустятся. Ничего. Я порядок наведу... Доев клубнику из принципа, я облизала пальцы и поинтересовалась:

– Когда вы уберетесь?

– Куда? – Дядюшка Мортимер, который разглядывал меня столь внимательно, что право слово становилось неудобно, вытер испарину платочком.

– Не куда, а откуда... отсюда, – я махнула рукой на двери. – И из дома вообще...

Похоже, эта мысль в головы родственников не приходила. Тетушки, вполголоса продолжавшие переругиваться, замолчали, дядюшка же насупился и запыхтел. А ведь до меня доходили слухи, что у него проблемы возникли, какие-то

там брожения в верхах намечались волей славного нашего монарха, подмахнувшего, не иначе как с недосыпу, указ о борьбе с коррупцией. То ли комиссию ждали. То ли кресла делить собирались. Главное, что всем стало весьма и весьма беспокойно, а начальник жандармерии и вовсе в отставку подавать собрался...

Если так, то не факт, что с новым выйдет подружиться. Тем более что кроме дядюшкиных друзей наверху есть и те, кому он здорово в свое время нагадил. А эти не упустят случая расквитаться. Как бы там ни было, жизнь грозила изрядно осложниться, и некая сумма денег весьма облегчила бы возможные неприятности...

Или вот титул. Признаюсь, не думала, что с ним будет... Мортимер старше Фердинанда, и весьма возможно, что согласно праву Конрада титул отойдет к нему...

– Я не думаю, что нам стоит спешить, – произнес дядюшка.

– Отчего же? – А вот Фердинанд был на моей стороне, вернее на своей собственной, но пока она вполне с моей совпадала. – У меня, между прочим, в университете дела...

– Можешь ехать...

– И оставить ее без присмотра? – Фердинанд преодолел расстояние, нас разделявшее, в два шага. Ноги-то у него длиннющие, что циркули. Пальцы перехватили руку, сдавили, крутанули... Перед глазами что-то мелькнуло, а дядюшка с немалым раздражением рявкнул: – Не крутись... стаби-

лизация продолжается... и будет идти еще несколько дней.

Очаровательно.

– Или даже недель... данные рознятся, но сейчас ты весьма уязвима.

Я прикрыла глаза. Спасибо. Этого я не забуду.

– Поэтому постарайся не уходить далеко от... скажем так, центра...

– Какого центра? – поинтересовался Мортимер.

Но Фердинанд оставил его вопрос без ответа. Я выдержала долгий его взгляд. И позволила оттянуть себе веки и... в рот он, к счастью, не полез, хотя и желание испытывал. Я широко улыбнулась – клыки слегка выросли, это я и сама ощущала, но...

– И кровь... тебе нужна кровь... распорядись. – Он отступил, вновь сутулясь. – Лучше всего свинья... свиньи, как показывают последние исследования, наиболее близки к людям...

Тетушка Фелиция изобразила обморок. Это она зря...

– Прекратите паясничать, – строго велел дядюшка Фердинанд, разматывая тончайшую нить портативного анализатора. Камень на конце ее был прозрачен и прекрасен, что не укрылось не только от моего внимания.

– А ты, смотрю, стал многое себе позволять... – протянул дядюшка Мортимер, следя за движениями камня, что голодная кошка за мышью. Я прямо так увидела, как он напрягся, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватить заветный камень.

Алмаз такого размера потянет...

– А ты не оставил дурной привычки заглядывать в чужой карман...

Тетушка застонала.

Я пристроила ногу на подоконник и, сняв белую туфельку на картонной подошве – и ничего мои ноги не отекли, могли бы и в шкафу поискать что приличного, – кинула ею в тетушку. Попала в лоб.

Тетушка с визгом вскочила и... замерла, определенно, не понимая, что ей делать дальше. А я... я показала язык.

– А может, она все-таки лич? – поинтересовался Мортимер, и в тетушкиных мутных очах вспыхнула надежда. Но ее я пригасила, скрутив красивый кукиш.

Даром, что ли, дедов конюх меня тренировал... Пригодилось вот.

– Личи не умеют разговаривать. – Дядюшка Фердинанд крутил нитку, заставляя камень вращаться, и тот вспыхивал то алым, то синим, то зеленым... интересно, это у кого здесь такой целительский потенциал, что мои токи забивает.

– Это, между прочим, научно не доказано, – пискнула Нинелия.

А я удивилась: неужели она читает что-то помимо «Голоса праведника»? Оно, конечно, толика правды в сказанном имелась. Небольшая.

Говорить личи не то чтобы не умели, скорее уж за последнюю пару сотен лет не находилось счастличиков, ко-

торые бы встретили лича и остались целы. Как-то то ли на беседы тварей не тянуло, то ли прав был Дитрих Норбурнский, утверждавший, что речь есть дар божественный, присущий лишь существам душным, а потому являющийся основным признаком таковых, на коий надлежит опираться Церкви Светозарного и Инквизиции...

– Посмотрим, – произнес дядюшка, что-то черкая в блокноте. – Вызов уже отправлен.

– И когда ты успел? – Мортимер вытянул короткую шею, пытаясь заглянуть в блокнот. Это он зря. Я, помнится, после лекции стянула эту вот записную книжечку, то есть не конкретно эту, а другую, которую дядюшка носил при себе постоянно. Тоже надеялась полезеньким разжиться, но оказалось, что почерк дядюшкин столь замысловат, что родезские каракули Мертвых проще прочесть, чем его заметки.

– Еще вчера.

– Вчера? – Вот теперь Мортимер не скрыл своего возмущения. – Ты... выходит, ты знал?!

– Подозревал. Стихии были не стабильны.

Мортимер засопел. А на тетушкиных лицах появилось одинаковое выражение тихой злости. Конечно, скажи он вчера, что знает о моих коварных планах воскреснуть, мне бы тихо и мирно отрезали голову, избавляя мир и главным образом себя от нового чуда.

Никто бы ничего не узнал.

А если и узнали бы, в кодексе о профилактическом отре-

заний голов мертвецам ничего не сказано.

Спасибо, дядя, я этого не забуду.

– Ты... ты мог бы... слов нет!

Мортимер ушел, громко хлопнув дверью, а я, дотянувшись до блюда, забрала последнюю ягоду. Надо же, кислые-кислые, а пошли... Клубника, чтоб ее... Впрочем, если со взбитыми сливками и шоколадом... Я зажмурилась.

А жизнь хороша. Даже если не совсем и жизнь.

Ночью какой-то идиот попытался разрушить склеп. То есть, почему какой-то... Юстасик, старшенький из моих кузенов, конечно, молоток додумался убрать, но меловая пыль на его рубашке и брюках, а заодно несколько утомленный вид и острый запах пота выдавали его с головой.

– Заставлю реставрировать за свой счет, – произнесла я, пнув камень. И халатик запахнула. Не то, чтобы прохладно, холод я как раз и не ощущала, но вот взгляд у дядюшки сальный.

А склеп защищали хорошо. Теперь я видела дремлющие сплетения силовых нитей, укрытые за слоем штукатурки. Они росли и в место это, и в дом... и молот, конечно, оставил пару-тройку царапин, да статую снес из новых, поставленных моим прадедом... Если подумать, заказывал он их у известного мастера, а потому в денежном выражении потянут они изрядно...

– Сгинь, тварь нечистая! – взвизгнул кузен, плеснув мне

в лицо чем-то мокрым и вонючим.

Водой освященной?

Если и так, то носил он ее с собой давненько, испортиться успела, протухнуть.

– Точно идиот. – Я лицо вытерла.

Нет, что еще сказать... я вот честно уснуть пыталась. Лежала, разглядывала балдахин и еще немного потолок, раздумывая, насколько в моем нынешнем состоянии нормальна бессонница, и вообще, где про это состояние почитать, кроме как в хрониках...

А тут снизу удар. И еще один.

И такие мощные, что стены задрожали... и кажется, он тут заклятье активизировал, а когда не сработало, точнее сработало – штукатурку со стен сняло, как посмотрю, – но вовсе не так, как кузену хотелось, за молоток взялся.

– Слушай ты, дитя осла. – Я только коснулась узенького плечика, как кузен заверещал и мешком осел на пол.

– Не трогай ребенка! – Тетушка Фелиция, облаченная в широкую ночнушку, замахнулась на меня зонтом. Откуда только взяла?

– Да нужен мне ваш ребенок... – На всякий случай я отступила. Не то чтобы зонт мог причинить мне какой-либо существенный ущерб, но вот... боюсь ненормальных.

– Что случилось?

У тетушки Нинелии тоже ночнушечка имелась.

Коротенькая.

Едва прикрывающая толстую ее задницу, но зато густо расшитая кружавчиками.

Дядя Фердинанд прикрыл глаза и благоразумно отвернулся. Вот он ночевал в байковом спальном костюме пыльно-синего окраса, и даже блестящие медные пуговицы не могли придать наряду бодрости. Судя по виду, куплен он был еще до экспедиции на Острова и времена знал всякие.

Может, ему и вправду деньгами помочь?

Я как-то не особо интересовалась его жизнью, полагая, что чем меньше рядом любящей родни крутится, тем целее нервы. Но он единственный из всех держался в стороне от моей жизни, и уже за это я была ему немало благодарна.

– Она съела Юстика! – то ли с ужасом, то ли с восторгом произнес Аполлон, который в дверях показался-таки, хотя и рекомендовано ему было лежать.

Двигался он скованно. Ноги расставлял широко. А заодно держал у паха массивную грелку.

– Кто?

Тетушка Нинелия на всякий случай прижала руки к груди, правда, правой. Потом сообразила и торопливо поменяла, а то мало ли...

– Мышь, – сказала я, переступив через идиота, который по-прежнему лежал на полу, притворяясь мертвым.

– К-какая?

Ресницы черные накладные. Пудра. Румяна... что-то не похоже, что тетушка ко сну собиралась, во всяком случае,

тому, который в постели и одиночестве. И кажется, она сообразила, что не следовало покидать комнату.

– Огромная, – я приняухалась. Так и есть... пудра из моих запасов определенно, и духи... правда, средней паршивости, я подобные густые ароматы терпеть не могу. А присылают всякие... – Пришла и сожрала...

– Д-да?

– Нет, – рявкнула я и сдвинула тетушку. И уже на лестнице крикнула так, чтобы услышали даже треклятые мыши, если они тут водятся. – Но если кто и дальше будет разрушать дом, то оплатит работу реставраторов из собственного кармана!

– А она точно не лич? – без особой, впрочем, надежды поинтересовалась тетушка Фелиция, а Мортимер ответил:

– Инквизитор скажет.

Проклятье... не было печали.

Глава 4

Я не слишком часто заглядывала в храмы, тем паче Светозарного, ибо посвящение обязывает, а Плясунья не любит иных богов. И пусть говорят, что все они суть отражения одного, но...

Некроманты точно знают – не любит.

Ее храмы всегда стоят наособицу. Ее жрецы прячут лица за масками, хотя, подозреваю, последнее исключительно из здравых побуждений, ибо Плясунью в мире не любят. Боятся. Почитают. Но не любят.

К ней не приходят без особой нужды, а порой и суеверно прячутся за якобы действенными амулетами, но...

Было время, когда, движимые этим страхом, люди заколачивали двери храмов. Сваливали у стен их вязанки хвороста, лили масло и жгли. Со жрецами и теми, кто смел заикнуться, что богиня не простит.

А следом доставалось и слугам ее... Некроманты пусть и наделены немалой силой, но отнюдь не бессмертны. Камень в голову, пуля в сердце. Пули-то к тому времени научились делать правильные, пробивающие защиту... огонь и вода, и иная сила, ибо маги тоже не слишком-то нас любят. В то время, пожалуй, впервые объединились пятеро цехов, образовав Великий анклав, ублюдочное порождение которого существует и по сей день. И неплохо существует, я вам скажу,

при поддержке императора и монополии на раздачу желтых блях, без которых ни один маг права колдовать не имеет.

Но мы не о том...

В те времена, ныне в учебниках благоразумно названные Смутными, поголовье некромантов изрядно проредили. Чего стоила одна резня при Уттерштоффе, где располагалось большое цеховое училище. Там не пожалели ни наставников, ни учеников, хотя штурм стоил им немало крови.

Горели библиотеки. Громилась поместья. Семейные погосты разбивались в пыль... а она смотрела. И ждала. И... это отчасти было наказанием нам за гордыню, как говорила бабуля. Возомнили себя всесильными, вот и получили... когда же общество вздохнуло с облегчением: как же, избавили великую Империю от заразы, пришли две сестры.

Имя первой – Чума и носила она алые одежды. Ее лицо было бело, ее губы – алы, а волосы – темны, и обличье столь невинно, что никто не способен был поверить, будто это дитя несет угрозу.

Она появлялась у городских ворот. И ворота открывались. Она ступала на улицу, и камни становились ядом. Она просила воды, и стоило коснуться ее губами, как колодцы разносили заразу. Она танцевала на пустых улицах. И собирала телеги мертвецов. И целители, как крысы, бежали, не способные справиться с болезнью. А она хохотала...

Так пишут, что рожденный ее смехом ветер пробивался сквозь защиту воздушников, а легкий поцелуй покорял пла-

мя огневигов, и не оставалось стихии, как не оставалось надежды, и даже храмы оказались бессильны перед нею.

Имя второй – Проказа.

Она любила старушечьи одежды и была медлительна, а еще, пожалуй, милосердна. Она предпочитала дворцы и дома людей состоятельных, минуя крысиные бараки, в которых ютилась чернь. О нет, Проказа долго выбирала жертв, а потом водянистыми глазами смотрела, как мучаются они, как покрываются тела их волдырями, как превращаются те в гниющие язвы, как...

Она садилась на плечи. И ходила следом. Она смотрела, как избранника в страхе выставляют из дому, а после и из города, и тот, кто еще вчера был велик и славен, оказывался вдруг изгнан...

Поговаривают, что и Его Императорское Величество не избежал потерь в своей семье, и лишь тогда, глянув на изуродованное язвами лицо сына, одумался, издав эдикт, который позже назвали Молящим.

Он вернул Плясунье ее храмы. И построил новые, сделав их столь великолепными, сколь это возможно было. Он принес ей жертву. И позволил лить кровь на алтарь, причем не только животных, как было до этого. Он повелел схватить тех, кого назвал мятежниками, и предал казни...

Проказа отступила. Единственный достоверно известный случай излечения, ныне вызывающий множество споров. Находятся умники, утверждающие, будто наследнику пре-

стола в страхе поставили неверный диагноз, а проказа как таковая имеет происхождение обыкновенное и с божественными силами в исконном их понимании не связана.

В общем, это я к чему...

Некромантов не любили. И не любят.

Эдикты там или запреты, императорская воля с нею связанная, но... людям можно запретить убийство, а вот изменить отношение к кому бы то ни было – проблематично. Честно говоря, некроманты и сами к обществу относятся без особых симпатий.

Люди раздражают. И... мешают.

Бабушка утверждала, что это естественно, мир мертвых не может не оказывать влияния на психику, поэтому в большинстве своем некроманты – люди крайне скверного характера и, к счастью для обывателей, крепких нервов.

Не знаю.

Главное, что визита инквизитора, в нынешнем положении обязательного, ибо чудеса без присмотра Церкви происходить не имеют права, я ждала с настороженностью. А вот родственнички, подозреваю, весьма надеялись...

Он появился на третий день.

Стало быть, к дядюшкиному извещению отнеслись в высшей степени серьезно. Правда, инквизитора выбрали какого-то, мягко говоря, замученного.

Невысокий. Пожалуй, ниже меня будет, а я не скажу, что ростом удалась. Худой, если не сказать, что болезненно ху-

дой. Смуглокожий... Значит, не чистой крови, и тетушка Фелиция это поняла, ишь, до чего скривилась, она у нас чужаков не любит и даже комитету церковному внесла предложение не пускать нечистых кровью в храм. Правда, его не поддержали к величайшему тетушкиному огорчению.

Всяк ведь знает, что чужаки – смутьяны.

И вообще...

Она подняла лорнет и сделала шаг назад. А вот тетушка Нинелия, та, напротив, потянулась, вперившись взглядом. И чую, ощупывает бедолагу, отмечая и потрепанную одежонку его – такую в нашем городе не каждый бродяга примерить согласится, и ботинки со сбитыми носами, и, главное, уродливейшего вида кофр на колесиках. Колесики продавили ковер, а ботинки оставили следы на паркете.

Дождь, стало быть, начался. В наших краях зимний дождь явление частое, весьма способствующее развитию всякого рода меланхолий и прочих благоглупостей.

– Диттер, – представился хозяин кофра, на его ручку опираясь. И поморщился.

А ему больно. Больно-больно-больно... и кровушкой пахнет, причем дурною, порченой. Ах ты... это они мне дефектного инквизитора всучили? Обидно, право слово...

– Диттер Нохкприд, – уточнил он, обводя мою семейку добрым взглядом.

А глаза синие... Волосы вот с рыжиной явной, правда, не морковного пошлого колера, а этакой благородной бронзы.

Уши неодинаковые. Левое прижато к голове, а правое изуродовано, то ли рвали его, то ли мяли, главное, что осталось от ушной раковины немного. И в эту малость он умудрился серьгу вставить. Непростую.

– Старший дознаватель милостью матери нашей Церкви, – произнес он, правильно оценив молчание. И руку вытянул, позволяя разглядеть круглую массивную печатку на мизинце. Силу я издали почуяла, и такую... неприятную, да.

Определенно, прикасаться к подобным вещам мне не стоит. А вот наши потянулись.

– Позвольте, – дядюшка Мортимер носом уткнулся. – Как интересно... в высшей степени... да...

Будь его воля, он бы печаточку на зуб попробовал. И оставил бы себе, для экспертизы, да... Воли не было.

Диттер руку убрал и снова огляделся. На сей раз и меня заметил. А что, я не прячусь. Устроилась на подоконнике? Вот... что-то потянуло меня к ним. Высоко. Удобно. И родственнички любимые как на ладони...

А смотрит-то... И смотрит...

И я смотрю. Красавчик? Нет. Может, когда-то и был, но с той поры минуло пара десятков лет и столько же шрамов. А нелегкой у него жизнь была. И сейчас...

Вот он дернулся. Скривился. И не справился-таки с приступом кашля, который согнул Диттера пополам. Ах ты... хоть по спинке похлопай, но, подозреваю, он будет протестовать, из той упрямой породы, которым чужая помощь костью

в горле.

Поэтому я отвернулась и потрясла колокольчик.

– Пусть чай подадут... – сказала я, когда в комнате появилась горничная. – Тот, из старых запасов... в наших краях с непривычки сыро.

– С... спасибо.

От чая он отказываться не стал.

– И к чаю. Господин инквизитор с дороги проголодался...

– Я не...

– В Тортхейм поезд прибывает в шесть пятнадцать. Лавки еще закрыты, да и вы кажетесь мне достаточно благообразным человеком, чтобы не покупать там еду...

А губы платком вытер, глянул украдкой и убрал в карман. Надеюсь, у него не чахотка. Мне-то она уже не повредит, но наш климат для чахоточников, что последний гвоздь в гробу.

– ...потом пока добрались до города...

– Я понял.

Отрезал жестко. Глазом синим сверкнул. Ага, а я взяла и испугалась...

– Мы ждали вас, – наконец тетушка Фелиция соизволила расклеить губы. – Еще вчера... вы не слишком спешили.

Ну... с учетом того, что из столицы поезд идет тридцать часов, да и те при везении, прибыл он весьма быстро. Но, видимо, затрапезный вид Диттера ввел нелюбимую тетушку в заблуждение.

Зря. Но я помолчу.

Чем больше они поговорят, тем легче будет мне найти понимание.

– Фелиция хочет сказать, что мы все очень волнуемся, – влез дядюшка Мортимер, куда лучше представлявший себе, что такое есть Церковь и Инквизиция. – Вам стоило предупредить, и мы бы отправили машину...

Он это знал. Именно поэтому добирался сам. И готова поклясться, у дома он объявился час-другой тому назад... вон, вымок весь. Я глянула на окно: дождь идет, но не такой уж сильный. А на ботинки грязь налипла... надеюсь, ведомый любопытством и желанием проломить защиту дома, он не сильно газоны потоптал.

Все равно ничего не добился.

С севера дом защищала стена колючего терна, высаженной моей бабушкой и лучшей ее подругой, которая еще той ведьмой была. В общем, терн получился с непростым характером. Чужаков он не любил, а к регалиям относился с полным равнодушием, которое наш гость, полагаю, успел прочувствовать.

Вон, какой дырищей на куртке обзавелся. Знакомо...

С юга жил виноград. Лишенный колючек, характером он обладал куда как мягким, но при том упорным, и пока ни одному вору не удалось подняться даже до второго этажа, не говоря уже о третьем. Последнего, помнится, жандармерия три часа извлекала из кокона. Как не задушился, ума ни приложу.

С запада почти сразу за домом начинались болота. Гулять по ним я бы не советовала, пусть и выглядели они зелено и нарядно. По весне шейхцерия зацветала, и от болотных пустошей вообще было глаз не оторвать, но... сколько там сгинуло народу, и думать не хочется. Несколько раз городские власти выступали с инициативой осушения, но я ее по понятным причинам не поддерживала. Нет, мешать не мешала – на муниципальной земле власти могут хоть сушить, хоть золотом расплавленным заливать, но и денег не дала. А без денег инициативы почему-то глохли.

В болота инквизитор не полез. Уже хорошо.

– Мы просто желаем узнать, – голос тетушки Нинелии был тих и полон смирения. – И вправду имело ли место чудо...

– Я... скажу... позже.

Инквизитор шмыгнул носом. И оглушительно чихнул. И снова чихнул.

– И... извините...

Он опять шмыгнул носом и совершенно неинтеллигентно вытер его о грязный рукав. Огляделся...

– Присаживайтесь... устали?

Устал. И готов не то что сесть, упасть в кресло, но треклятая гордость мешает жить.

– Боюсь, моя одежда...

– Бросьте, – я позволила себе быть любезной. В конце концов, от этого человека зависит моя судьба. Нет, я далека от мысли, что подобная мелочь заставит его наступить на горло

долгу и полученным инструкциям, но... нам еще довольно долго терпеть общество друг друга, и в отличие от родственников его я из дому не выставлю.

А потому зачем портить отношения?

– Садитесь. Потом почистят... Может, стоит послать кого-то за целителем? Наш климат коварен, не стоит обманываться теплом...

– Тепло? – возмутился Диттер.

Ну... как для кого, для местных сегодняшний день был скорее теплым, хотя бы ввиду отсутствия пронизывающего ветра. Да, курорт у нас специфический.

– Вполне, – заверила я. – Но все равно промозгло, а это, знаете ли, весьма способствует всякого рода простудам.

– Я заметил.

– Они уже спелись, – зашипела тетушка Фелиция, пихая Мортимера в бок. – Сделай что-нибудь!

– Что, например?

Ссориться с Инквизицией дядюшка не будет, а потому поостережется лезть ко мне... во всяком случае, пока не будет всецело уверен, что это сойдет ему с рук. А он приготовился. И амулетик свой снял. Надо же, я и не сразу заметила. Правильно, старший дознаватель – лестно, что птицу столь высокого полета не пожалели – это вам не начальник местной жандармерии.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке.

А ведь не знают... ни начальник упомянутый, ни мэр, ни

прочие особы положения высокого... достаточно высокого, чтобы время от времени портить жизнь одной милой девушке.

Подали чай.

И черный хлеб с паштетом и карамелизованным луком. Все-таки за фантазию нашей кухарки я готова была простить ей прочие мелкие недостатки, вроде склонности к воровству...

Тетушка Фелиция пила чай, манерно отставив палец. В ее представлении это подчеркивало ее аристократизм и утонченность, а я не спорила. Смысл?

Тетушка Нинелия от чая отказалась.

Дядюшка устроился у камина, вытянув короткие ноги. Он вздыхал и покрхтывал, словно опасаясь, что, если замолчит, мы забудем о нем.

Фердинанд застыл, уставившись в раскрытый блокнот.

Все молчали.

А кузенов моих как-то давненько не видать. Они не из той породы, которая умеет быть незаметной, следовательно, меня ждет очередной сюрприз и, сомневаюсь, что приятный. Кузина же с того самого неудачного свидания старалась не покидать своей комнаты, что было разумно.

– Как ваше самочувствие? – вежливо поинтересовался Диттер.

– Спасибо, неплохо. – Я откусила кусок тоста, щедро намазанного чесночным маслом.

Прелесть. А фирменный соус с волчегодником вышел просто отменным... Голода я по-прежнему не ощущала, что, однако, нисколько не мешало мне получать удовольствие от еды.

– Крови не хочется?

К чаю подали портвейн из старых запасов, что свидетельствовало о немалой симпатии старика Гюнтера к гостю. На моей памяти никто этакой чести не удостоивался... Что ж, мне следовало присмотреться к инквизитору получше. Дворецкий, доставшийся мне в наследство вместе с домом, обладал отменнейшим чутьем на людей и полным отсутствием пиетета перед чинами.

Помнится, нашему мэру он подал молодое вино, которое ко всему слегка перебродило и потому изрядно отдавало укусом и почему-то пованивало рыбой. Его обычно наливали рабочим, которых нанимали привести сад в порядок... Рабочим оно нравилось, а вот мэр обиделся. Зря.

– Нет.

– Совсем?

И прищурился. Ага, знакомый взгляд... Не было у него бабули с гибкою линейкой, которая выправляла не только осанку, но и прищур.

Менять поле зрения надо без гримас. Вот так.

– Совсем, – я широко улыбнулась и пригубила портвейн.

А про кровь он зря сказал. Я вдруг представила ее, такую горячую, тягучую, слегка солоноватую... представила и со-

дрогнулась.

Мерзость какая!

А Диттер моргнул.

Его шуточки?

– Полегче, – я постучала коготком по бокалу. – Я ведь и жалобу подать могу.

– Только после того, как будете признаны истинно воскресшей...

Это мне вежливо намекали, что в случае, если я вдруг откажусь сотрудничать, то воскрешение не признают, а меня объявят нежитью? Вон как дядюшка встрепенулся.

– Мне кажется, этот вопрос требует отдельного... обсуждения...

Ага, и в глазах надежда пополам с сомнением. Небось, прикидывает, стоит ли подходить со взяткой, и если да, то сколько предлагать, чтобы не оскорбить столичного гостя, а заодно уж и не переплатить.

– Что вы чувствуете?

– Желание выставить их из дома, – я обвела рукой свою семейку. – Надоели несказанно... а в остальном, ничего особенного...

Я вновь прислушалась к себе. Вяло шелохнулась жажда мести и утихла. Кому мстить? За что? Незавершенные дела? Вот запись к цирюльнику пропустила, а мастер Отто терпеть не может женщин, которые не приходят вовремя. Это чревато отлучением от круга избранных, кому он делает уклад-

ку собственноручно. Надеюсь, он войдет в мое положение и посчитает смерть причиной достаточно веской.

Миссия?

Нет, никаких миссий... ни желания немедленно перекроить мир, ни откровений, которые бы рвались на волю, ни...

Ничего.

Диттер моргнул.

И мне почудилось, удивился. А что... я, между прочим, не просила меня возвращать... я жила... да нормально я жила... среднестатистически, как выразился бы любезнейший Аарон Маркович Фихельшманц, мой поверенный...

Магазины. Кафе. Редкие вечеринки, которые я, признаться, посещала исключительно от безысходности. В нашем городе помимо вечеринок и сплетен заняться больше нечем. А одно рождает другое... нет, были еще дела биржевые.

Акции там...

Доля в местном проекте, которую удалось урвать, несмотря на сопротивление мэра...

И все.

В последний год у меня и любовника-то толкового не было... то ли сезон не задался, то ли требования мои стали выше, в общем, не жизнь, а тоска...

– Надо же, – протянул Диттер, засовывая в рот кусок утиной грудки. – Не понимаю...

– Сама удивлена...

Наверное, есть люди, которые куда больше нужны ми-

ру, чем двадцатипятилетняя блондинка, пусть и владелица небольшого состояния, но...

Я не подавала больших надежд. Не имела грандиозных планов. И семья моя, которая могла бы послужить якорем... нет, не эта семья, но с другой тоже не сложилось, подозреваю, отчасти ввиду поганого моего характера.

Тогда зачем?

– Разберемся, – пообещал Диттер.

И странное дело, я ему поверила.

Глава 5

Три дня... на редкость напряженные три дня.

У меня отрезали прядь волос. И отщипнули кусочек кожи, пусть с извинениями и объяснениями, в которых я не слишком-то нуждалась, понимая, что без проб не обойтись, но все равно неприятно. Не больно. Неприятно.

Боль... боль перестала существовать для меня, это я поняла, когда тетушка Фелиция случайно, конечно же, вывернула на меня чашку горячего чая.

Кожа не покраснела.

А я... ощутила некоторое неудобство, и только. Не знаю, как еще описать. Уже вечером, оставшись наедине с собой и заперев дверь, во избежание так сказать, я воткнула в руку иголку.

Ничего.

И даже когда игла пробила ладонь насквозь... пришлось постараться, но... по-прежнему ничего. Я помахала рукой. Пошевелила пальцами.

Не ощущать боли, конечно, в чем-то хорошо, но...

И во сне я тоже не нуждалась. Не испытывала усталости. Или вот голода.

Я прислушалась к себе. Да, чувства были какими-то... приглушенными? Сложно подобрать слова... зато магические потоки виделись ясно. Я и предположить не могла, что

наш дом настолько особенный.

Темные токи деструктивной энергии устремлялись вниз, возвращаясь к источнику, который я воспринимала весьма ясно. Даже удивительно, что прежде я не знала...

Не предполагала даже... И не только я...

Отец? Дед? Бабушка? Дед знал наверняка и, значит, бабушка тоже... с отцом – вопрос, но... почему источник не почуяли дознаватели, когда проводили расследование?

Или...

Нет, в реестре известных силовых точек, который обновляется ежегодно, дабы все заинтересованные лица имели доступ к важной информации, наш дом не значится.

И не значился, готова поклясться, в последнюю сотню лет...

Хорошо это? Плохо?

Тайна была, и если меня в нее не посвятили...

Я потеряла виски. Не стоит спешить. Времени теперь у меня много, возможностей тоже прибавилось, следовательно, разберусь. И вообще проблемы стоит решать по мере их возникновения. Главная на сегодняшний день – любимые родственнички, которые не слишком-то рады моему возвращению. Здесь я их в чем-то понимаю. Правда, понимание это не настолько велико, чтобы вернуться в прежнее состояние.

И да, мне все более и более интересно, как я умерла.

Иголку я воткнула в подушечку для иглолок. Ее же убрала в корзинку для рукоделия, подаренную заботливой тетушкой

на Единение. Пригодилась-таки...

И дальше что?

Я легла в кровать. Закрыла глаза. Тоска...

И кроме деструктивных потоков есть и светлая сила. Она, напротив, течет снизу вверх. Мое перестроившееся зрение позволило увидеть, как истончаются потоки силы, распадаются на ручейки, а те вплетаются в камень, укрепляя стены. Надо же...

А бабушка рассказывала, что дом особенный... и что нельзя, чтобы попал он в чужие руки... и завещание составила таким образом, что ни продать, ни подарить особняк я не могу. Правда, подобные дикие мысли мне и в голову не приходили, и поначалу завещание это меня несколько оскорбляло, но теперь я ее понимаю...

Шорох. Не здесь. Слух обострился, правда, как-то избирательно. Звуки дома – скрипы, стоны и шелест воспринимались отстраненно. Сознание отмечало их и отбрасывало, как не представляющие интереса, а вот шорох... Тихий такой. И вздох.

Кто-то крадется? А это уже интересно... кому тут не спится в ночь глухую?

Я встала. Одернула шелковый пеньюар, запоздало подумав, что белый шелк – не самый лучший выбор для ночных прогулок, но как-нибудь.

Кто бы ни крался, теперь я слышала стук его сердца. Или ее? И запах... сладковатый аромат пота, из-за которого рот

мой наполнился слюной. Тело же само прижалось к стене. А потом когти... и я моргнуть не успела, как оказалась на потолке.

Что характерно, мне не было неудобно. Непривычно, но...

Приличные девицы по потолкам не лазят, даже если они, то есть девицы, а не потолки, не совсем чтобы живые.

Безумие.

Но вид открывается неплохой, да... и сила тяжести не особо ощущается. И потолок вязкий, он принимает когти, а когда вытаскиваю их, срачивает шрамы.

Человек... Моя кухня? Крадется... И главное, как-то вот нелепо крадется... то и дело останавливается, кутается в шелковый халатик... Да уж, мою гардеробную они ополовинили. И все-таки этот оттенок алого ей не слишком идет. Да и халатик ей явно маловат, на груди не сходится, и ниже тоже... и куда она так спешит-то?

Я сглотнула. Нехорошо на кузин слюной капать.

И главное, реакция-то совершенно произвольная. Желания немедленно свалиться жертве на голову не ощущаю. Более того, сама мысль о том, что в пухлую эту шею придется впиваться, рвать клыками... Впрочем, слюну я сглатывала старательно.

Мерзость.

И запах духов. Мои любимые, к слову... были... «Роковая ночь». Нет, они по-прежнему хороши, такой вот сладковатый аромат с резкими перечными нотами, но не в таком

же количестве!

Я тихонько чихнула, прикрыв лицо ладонью.

Но кухня услышала. Остановилась. Закутила головой.

– Кто здесь? – овечье ее бляение утонуло в ночной тишине. Я же удержалась от ответа.

Кухня стояла. Я висела. И ждала. Нет, любопытство – это не порок, это способ сделать жизнь интересней. А комнаты кухни в другой стороне. И мнится, что отныне тетюшка своего драгоценного мальчика на короткий поводок посадила к его огромной радости...

Она тронула волосы. Воровато огляделась. И сняла домашние туфли. Чулочки подтянула. Сетчатые.

Эти не мои, что душу греет... а ноги у нее неплохие, надо сказать... и задница, которую мой пеньюар едва-едва прикрывал – вот что за манера чужое белье тащить? – тоже в меру пышна и округла. Один мой приятель в минуту душевных откровений, которые с ним приключались в постели, сказал, что идеальная женская задница такой и должна быть... и еще мягкой.

Кухня ему бы понравилась.

Впрочем, о чем это я... ему нравились слишком многие, что и стало причиной нашего расставания. И не в ревности дело, отнюдь, но... при жизни, что бы там ни говорили, я отличалась разборчивостью. Как-то не было желания подхватить дурную болезнь...

А вот и дверь. Ага... И стучать не спешит, но из кармана

появляется махонький флакончик. Интересненько...

Я перебралась поближе. Темное стекло. Плотная пробка... многогранник, причем явно ручной шлифовки. Сейчас подобные не выпускают. А главное-то стекло драконье и парой рун запечатано. И следовательно, содержимое флакона – сомневаюсь, что она там розовое масло хранит – не подвластно движению времени.

Капля жидкости. Резкий запах ее заставил отшатнуться, но он вспыхнул и сторел, впитавшись в бледную кожу кузины. Вот же... а флакон исчез в кармане халата. Халат же был снят и бережно сложен на козетке... Гм, выходит, в них тоже есть какой-то смысл, а я убрать собиралась.

Кузина тронула волосы. Мазнула своим запястьем по губам. Покусала их. И нажала на ручку.

Ага... а инквизитор не дурак, закрылся. Причем не только на задвижку, но и пару заклятий повесил, вижу, расползлись по двери пауками... а ночь все интересней и интересней.

Кузина мучила ручку. Дверь держалась.

А я ждала продолжения, сглатывая слюну... Это что, я теперь на всех людей реагировать так стану? Или это только ночной рефлекс? Надо будет поэкспериментировать...

Кузина наконец сообразила постучать. И еще раз. И ногой... вот же, а упорства ей не занимать. Еще бы в мирных целях...

Ей открыли.

– Что случилось? – поинтересовался Диттер.

А без одежды он ничего. Тощеват. Жилист.

Но при этом сложен гармонично. И встрепанный такой после сна, измятый... теплый... Я торопливо мазнула ладонью по лицу. Твою ж...

– Случилось, – всхлипнула кузина, поспешно падая на обнаженную мужскую грудь. Правда, маневр не совсем удался, поскольку реакцией дознаватель обладал отменной и успел сделать шаг назад. Упасть кузине он не позволил, подхватил под локотки и втянул в комнату.

Эй, так не интересно...

А с другой стороны, приоткрытая дверь – это почти приглашение. И грех им не воспользоваться, тем паче, чую, что мое присутствие для дознавателя тайной не осталось. Впрочем... я ведь не прячусь, а что гуляю по потолку, так мало у кого какие странности. Правда, прежде чем войти, я соскользнула на пол и прибрала флакончик. Утром в лаборатории посмотрю, что за гадость такая. Тоже мне... соблазнительница.

Дом помог. Дверь отворилась беззвучно, и даже сквозняк, который мог бы выдать, не скользнул по ногам. А там уже знакомый маневр. Стена. Потолок. Надо же... а Диттеру отвели вполне приличные покои. Определенно, глянулся он старику.

– Это было так ужасно... так... – соблазнительницу устроили на софе.

Она сидела, как-то хитро выкрутившись, отчего корот-

кий пеньюар стал еще короче. Бретельки опасно натянулись, край сполз, и пышная грудь вздымалась... а взгляд у Диттера к этой груди прикован. К родинке...

У меня похожая имеется, что интересно, на том же месте... Плевать.

– И теперь вы понимаете...

Белые ноги. Кружевной край чулок. Пот на смуглом лбу дознавателя... и взгляд плывет... плывет взгляд.

– ...как тяжело одинокой девушке, за которую некому заступиться...

И подвинулась чуть ближе.

Протянула руку, коснувшись щеки инквизитора... этак она его изнасилует самым циничным образом. И не то чтобы мне было так уж жаль, в чужую жизнь я не лезу, но... сдается мне, что эта вот страсть, с которой он борется – борется, я вижу – слегка искусственного происхождения. А если я чего не люблю, так это подчиняющих зелий во всем их многообразии.

Когда кузина потянулась, явно желая приступить к активным действиям, я не выдержала.

– Бу, – сказала я, отпуская потолок.

Тело двигалось... легко двигалось. Кувырок в воздухе. Легчайшее касание пола пальцами и... Кузина отшатнулась. Орать не стала, уже хорошо... опыта набирается?

А Диттер моргнул и взгляд перевел. На меня... такой вот затуманенный, одурманенный взгляд...

– Я. – Я широко улыбнулась, только теперь вид клыков не произвел на кухню впечатления.

– И хорошо... – сказала она, ткнув в дознавателя пальцем.
– Упокой ее. Видишь, она опасна...

Я? Да я при всей стервозности своего характера, во многом воспитанного дорогими родичами, никого никогда не убивала... а тут...

Белое облако возникло на ладони Диттера... и истаяло.

– Упокой, – нахмурившись, повторила кухня. И подскочив, обняла несчастного. Вот... а если у него сердце не выдержит? Или еще что... люди такие слабые, а этот и вовсе дефективным достался. Послали, кого не жалко, мне теперь переживай. Если штатный дознаватель скопытится, потом доказывай, что не по твоей вине...

– Разве ты не видишь? Она опасна... она нам мешает... мы будем вместе до конца жизни...

От подобной перспективы меня передернуло. И не только меня.

Диттер разжал губы и тихо произнес:

– Бегите... не уверен... что... справлюсь...

Бежать? Да Гретхен Вирхдаммтверег никогда и ни от кого не бегала. Я поступила проще. Шаг. Камин. И бронзовая статуэтка Плясуни, на лице которой мне привиделась язвительная усмешка. Шаг. И затылок кухни.

Была я аккуратно: дура, но все равно родственница, да и уголовный кодекс опять же... Главное, что эта интриганка,

чтоб ее, и глазом моргнуть не успела. Инквизитор моргнуть успел, но и только.

Потом извинюсь. Когда в себя придет... Если придет. Все-таки какой-то он хилый... но увесистый, никак кости тяжелые. Я оттащила Диттера в спальню и принялась.

Кровушка, мать ее. Сладкий терпкий аромат, настраивающий на весьма определенные мысли. Рот опять наполнился слюной. Вот же... слюну я сплюнула в фарфоровую вазу на редкость уродливого вида. Историческая ценность, чтоб ее...

Весь этот дом теперь одна большая историческая ценность... а вот на туалетном столике громоздились разного рода склянки. Что еще? Пошарпанный кофр за креслом... как его только не убрали? В гардеробной – пара костюмов, рубашки... белье нижнее крепко ношенное. Носки. Подтяжки для носок... ничего в общем-то интересного...

Я поморщилась. Не то чтобы я рассчитывала обнаружить что-то такое... но гость изрядно утратил загадочности. Вернувшись в спальню, я склонилась над телом. Живой. Сердечко стучит. А вот запах крови поутратил прежнюю сладость, теперь в нем чуялась весьма характерная горчинка. Болеть изволят... и надо, надо будет пригласить целителя, пусть глянет.

Дышал он ровно. А вот в груди клекотало... легкие, стало быть... ага, вон и платок со следами крови обнаружился. Его я сунула в карман – по крови знающий человек многое ска-

зять способен. Мне почему-то казалось, что диагноз Диттеру известен, как и прогнозы, но делиться знанием он не захочет. Люди вроде него отличаются редкостным, порой просто-таки иррациональным упрямством.

Поцеловав инквизитора в лоб – не удержалась, признаюсь, – я перевернула его на живот и стянула запястья шнуром. Подумала, и ноги тоже стянула. А поверх кинула дымку темных пут. Так оно всяко надежней... а то мало ли, что в замороченную головушку взбредет. Как выветрится, отпущу...

Если выветрится.

Эту подлую мыслишку я отогнала: не знаю, на что рассчитывала сестрица, но приворотных зелий А-класса не так уж и много в современном мире.

Сестрицу я тоже связала. Благо портьеры старые, шнуров в них, формирующих правильный облик, хватит на всех родственничков...

И заклятье кинула. Тоже на всякий случай. Рот заткнула. Носком Диттера... а что, хороший, качественный, не простыни же в самом деле портить из-за этакой мелочи... прикрыла пледиком. Не из любви, но пеньюарчик мой несколько сбился, а потому вид у кузины был чересчур уж вызывающим.

Будем считать, что я о девичьей скромности беспокоюсь. Или о моральном облике дознавателя. И вообще...

Полог тишины получился подозрительно легко. И вообще сила стала тише, послушней. Она больше не стремилась вы-

плеснуться, разрушая хрупкие контуры новорожденного за-
клипания... Красота.

Дверь я заперла на ключ. Вернулась к себе. Переоделась.
А то ведь тоже... вид не тот... и пусть стыдливостью я нико-
гда не страдала, но в лаборатории пеньюарам не место.

На рабочий костюм мой никто не покусился. Серенький.
Невзраченький. И парой-тройкой пятен украшен. И давно
пора бы новый заказать, но я к этому привыкла. Зачарован-
ная ткань пообмялась, утратила исходную жесткость, кото-
рая в первое время здорово меня раздражала.

Запахи... Дыма. И серы. И трав.

Я прижала костюм к лицу. Все хорошо... я ведь жива?
Жива, в какой-то мере... и как надолго? Почему именно я?
Не отец, не мать, не бабушка, в конце-то концов... а я... по-
следняя из рода? В этом ли дело? Если так, то воскреше-
ние лишено смысла, поскольку детей у меня точно не будет.
Плясунья властвует над смертью, но бледноликая сестра ее
крепко держит в руках нити жизни. И ночным созданиям...

Так, не хватало расплакаться. Вирхдаммтверег не плачут.
И вообще у меня дело есть.

Глава 6

Черный флакон с плотной пробкой, которую украшало два знака силы. Сердце и разум. Очень интересно и... кажется, я знаю, в чем дело.

В лабораторию никто не заглядывал. И хорошо. Нет, дверь из железного дуба крепка, а троица замков не самого простого сложения надежна, как и допуск на крови, но кто их, родственничков моих разлюбезных, знает?

Дверь открылась беззвучно.

Пахнуло пылью. Травами. Гарью... Печь пора было бы почистить, но все руки не доходили, как и до уборки. Слугам сюда ход был заказан после того, как одна особо одаренная горничная решила смешать себе гламарию... Дура. И то, что кожа просто слезла – удача... и вообще, тех, кто печатает эти рецептики в газетенках, пороть надобно. Придумать тоже, использовать вытяжку из бычьей желчи вкупе с кровью и белодонницей...

Световые камни постепенно разгорались. Зарядить бы, все ж давненько я сюда не заглядывала. Все дела какие-то, а какие – и не вспомнишь уже... или не в них дело, а в осознании, что с бабушкой мне не сравниться. Она – талантливейший алхимик, а я... я и с даром своим не способна совладать. Не способна была. Я потеряла переносицу.

Потом пострадаю, сейчас же... включить вытяжку. Актив-

вировать защитные контуры. И маску надеть. Нежить я или нет, это пусть богословы выясняют, вкупе с Академией наук, а техника безопасности для всех писана. Перчатки из шкуры виверны. Записывающий кристалл... на две трети пуст, значит, хватит. Итак... день, время... имя... говорить легко. Привычка – вторая натура... да...

Осмотр флакона. Никаких меток я не обнаружила, что и понятно: кто захочет светить свой талант... а вот потертости и царапины явно говорят, что флакону лет немало. Пробка потемнела. А в основании и пропиталась парами зелья, окрасившими пробковое дерево в темно-зеленый цвет. Подобный яркий и вместе с тем глубокий оттенок дает корень кладбищенской полыни, взятой с могилы девственницы-самоубийцы... интересный ингредиент, не сказать, чтобы запрещенный, но... сомнительный.

Чуть сдвинув маску, я понюхала пробку. Сладковатый аромат. И толика мяты. И... А вот эту резковатую ноту я узнаю. Чемерица бледная. Сама по себе нейтральна, но поглощает силу и при правильной концентрации – а я не сомневалась, что автор чудо-зелья знает толк в травах – способна многократно усилить эффект.

Флакон был почти пуст. Темная капля выкатилась на стекло. Довольно плотная консистенция. И цвет такой... с переливами. Значит, не обошлось без белокрыльника метельчатого. А вот он подпадает под первый список. Прелесть какая... я провела стеклом по стеклу, размазывая каплю.

Универсальный нейтрализатор, как полагаю, будет слабоват. Нагрев. И пары уходят в тонкую трубку анализатора. Камера окрашивается темно-алым. А вот это уже и не первый список, но нулевой – кордилия болотная, или бледнотравница, она же – поганица бледная, или сумеречная травка. Появляется только в местах с нестабильным магическим фоном, да и то не в каждом... а уж чтобы взять правильно, жертва нужна. Но если выйдет, то...

Мне доводилось читать прабабкины дневники об обращенных. Вытяжка кордилии полностью подавляет волю, а уж далее – дело техники... внушить любовь. Ненависть. Любое другое чувство... создать из человека идеального слугу, спутника, готового ради хозяина на все... отвратительно. А самое поганое, что нейтрализовать эту пакость не так и просто.

На панели загорались огоньки, а тонкие спицы самописца пришли в движение. С шипением вырвался пар из страховочного клапана, а я вздохнула и потеряла виски.

Итак, кухня собиралась... что собиралась? Избавиться от меня? Определенно. Вряд ли она хотела просто взять и устроить личную жизнь с малознакомым типом. В любовь с первого взгляда не поверю, да и со второго тоже... Тем более что не так давно кухня оказывала, как это принято говорить, знаки внимания совсем другому кавалеру... Нет, дело не в любви...

А вот избавиться от проблемы чужими руками... и от рук

тоже, поскольку расследования не избежать, а мертвецы... и от тела... пожар в доме? Или что-то в этом духе... главное, трагедия.

И если кто виновен, то проклятая нежить. Или обстоятельства.

Я постучала когтем по столешнице. И вот что мне делать?

Лента ползла, самописцы старались, раскладывая чужое зелье на ингредиенты. Ага... и вот слизь черной лягушки, еще один презанятный компонент запрещенного списка. Раньше на основе этого зелья готовили эликсир подчинения, говорят, крайне полезная была вещь... особенно при дознании... правда, разум уродовала...

Может, им обоим шеи свернуть? И представить, как неудачный эксперимент кухни... Решение самое простое, но вот... сдается, смерть моего гостя будут расследовать весьма тщательно, и расклад будет не в мою пользу. А значит, придется вытаскивать.

Мушинная пыль... ага... обыкновенные псиллоцибины... опиум... стимуляторы, чтобы сердце не остановилось... логично... а вот и дурманник решетчатый, чей аромат вызывает непреодолимое сексуальное влечение. Да уж... что-то мне бедолагу даже жаль. Не знаю, что он испытывал, но удар по голове в этом случае – проявление милосердия.

Осталось понять, как эту дурь вывести можно. Я присела. Развернула лист... Плохо, что анализатор лишь состав раскладывает, а вот понять концентрацию... нет, можно, конеч-

но, но на это уйдет пара часов. Да и материала осталось мизер... значит, будем думать логически.

Сердце и разум.

Что-то подобное уже встречалось... Читала? Слышала? Вспоминайся, чтоб тебя тьма побрала... подчинение, но... сердце... это просто, приворот... кто на свете всех милее? Вот-вот... привороты сами по себе долго не держатся... а вот... ага... вытяжка из корня нетленника. Пролонгирующий компонент. А в сочетании с магической составляющей эффект будет длиться...

Эти два – стабилизаторы. Наполнитель. И накопители... а вот и сердце состава. Нет, зря я говорила, что я никчемный алхимик. Пожалуй, при случае надо будет попробовать воссоздать рецепт. Не то чтобы мне хотелось кого-то привязать к себе, но задача уж больно интересная...

Итак, если идти от противного. Кровохлебка красная... и кровь... кровь добавим потом. Пара капель донника белого... мельнский мед, который и не мед, и давно уже добывается за пределами Мельна, однако стоит ли заострять внимание на подобных мелочах? Главное, что лучшего адсорбента никто еще не придумал. Кахарская пыль.

Головная боль дознавателю обеспечена, но лучше этого праха – стоит он, к слову, целое состояние – навязанную волю ничто не снимет... Плохо, что пыль не стабильна, но ничего, добавим толику жидкого воска и тот же безвременник. Зелье получалось равномерно густым. Хороший признак.

И вот каплю яда вельены... надеюсь, сердце у него крепкое, ибо параличу, чувствую, Диттер не слишком обрадуется. Однако если зараза в крови, то яд ее выжжет. Полулунница для укрепления... или нет?

Бабушка говорила, что чем проще, тем лучше... Сделаю два зелья... да и делать не нужно, в стазисе, помнится, есть еще пара флажков. А вот без темной крови не обойтись...

Я осторожно вскрыла запястье. Не больно. Совсем. А крови... на кровь это мало похоже, желтоватая мутная жидкость, которую пришлось выдавливать. И порез, главное, затянулся моментально. А вот зелье мое, приняв новый компонент, застыло... Магия. И... хорошо бы на крысе какой проверить.

Я с сомнением потрясла колбу. Содержимое ее приобрело темно-красный цвет, такой вот... характерный весьма. Оно было плотным. И тяжелым. И магией от него несло как от старого алтаря. Вот же... даже как-то... неудобно поить таким.

Ладно. Авось и выживет.

Кузина очнулась и остервенело жевала инквизиторский носок. Выражение лица у нее было соответствующим.

– А что я? – Я обошла ее стороной. – Сама вляпалась, сама и ответишь...

Она промычала что-то, явно матерное, и гордо отвернулась. Насколько шея позволяла. Ничего, вот откачаю душ-

ку-Диттера, тогда и посмотрим, кто здесь всех румяней и белее...

Он лежал тихо. Сосредоточенно, сказала бы. Дыхание ровное. Глаза закрыты, но ресницы – неприлично мужчине иметь настолько длинные и пушистые ресницы – слегка подрагивали.

– Вам... – он с трудом выдавил это слово. – Лучше. Уйти. Не знаю... что это...

– Заткнись, – ласково попросила я, присаживаясь рядом. – У тебя аллергии ни на что нет? Впрочем, не важно...

От отека я худо-бедно спасти сумею, а вот от кузининогo чудо-зелья его корежило, что свежего лича от намоленной воды...

– Рот открой, – я попыталась подцепить пробку, но, похоже, на нервах – мертвым ничто человеческое не чуждо – слишком уж крепко загнала ее в горловину колбы. Твою ж... И главное, плотная такая...

Но зубами открывать все равно не следовало. Пробка вышла с противным всхлипом, и на губах стало мокро. Вкус зелья имело преотвратный.

Я мазнула ладонью, стирая капли. Будь бабуля жива, вновь бы за ремень схватилась... кожаный, отцовский... как в тот раз, когда я полезла варить любовный эликсир, не озаботившись активировать защиту. И была бы права. Безусловно.

Я сплюнула. Ну и гадость же сварилась... Нет, вреда оно

не причинит, но вот эту вязущую горечь я буду долго еще выполаскивать...

– Давай... глоточек за маму... – Я приподняла Диттера. За горло. А как иначе? Колбу не поставишь, а он, пусть и тощ, но увесист.

– За папу...

Он честно попытался проглотить мое варево, но от запаха его скрутило...

– За доброго дядюшку...

– У... – он икнул. – У меня не было доброго дядюшки...

– У меня два. Могу поделиться. – Я прижала колбу к губам. – Будешь выпендриваться, нос зажму.

Он сделал глоток. Закашлялся, плюнув зельем... прелесть какая, я его тут спасаю, а он плюется... нехорошо, однако.

– Я... с-сирота...

– Я тоже. – Я рывком подняла его на ноги. Инквизиторская шея слегка хрустнула, но выдержала. А вот рот открылся, и я, воспользовавшись случаем, влила содержимое колбы в него. А потом резко отпустила шею и рот этот зажала. – Потом вместе пострадаем...

Диттер захрипел. Но зелье проглотил. Умничка моя... икнул. Срыгнул. И осел на пол... вот тебе и... живой? Живой... сердечко вон колотится так, что из груди выпрыгнет. Свежее, мягонькое... сладенькое...

– Т-сы... – раздалось сзади.

Надо же, носок сожрала. Или выплюнула? Не важно.

Главное, что дальше Кузина высказалась от души... и какие обороты. Даже я кое-что новое узнала, а ведь полагала себя человеком просвещенным...

– Сама дура, – лениво ответила я, нащупывая пульс на инквизиторской шее. Пульс присутствовал, но слабенький. И сердце, не выдержав напряжения, срывалось.

Плохо. Если он загнется, то...

– На что ты вообще рассчитывала?

Кузина зыркнула на меня и, открыв рот, заверещала:

– Помогите!

– Полог, дура...

А в дверь вдруг постучали... как постучали... не будь она из заговоренного дуба, развалилась бы.

– Никого нет дома, – проворчала я, уже понимая, что так легко не отделаюсь.

Кузина завизжала громче.

Дверь задрожала, принимая на себя черное проклятье...

Глава 7

Вот ведь наглость, а реставрацию потом кто оплатит? Вон... завтра же всех вон... Или счет выставить? Пригласить любезнейшего Аарона Марковича... Уж он-то, как никто другой, умеет доносить до окружающих мысль, что чужое имущество не то чтобы неприкосновенно, скорее уж прикосновения несанкционированные могут вылиться в весьма внушительную сумму.

Диттер захрипел и выгнулся, явно собираясь душу к богам отпустить. Э нет, красавчик, я так просто не позволю...

– Она его убива-а-ает! – этот голос ввинчивался в уши, заставляя пожалеть, что слух у меня стал куда острее прежнего.

Может, поэтому высшая нежить людей недолюбливает? Встретишь такую вот в темном переулке, а она визжать...

– Заткнись уже...

Он задыхался. Посинел и... Сердце с перебоями, но выдюжит, а вот дышать... заставим дышать... иначе меня здесь же и похоронят. Я прижалась к инквизиторским губам, от которых отчетливо пованивало тухлым мясом – надо будет доработать рецепт, мяты там добавить или кошачьей травы... а пока дыши, зараза... я не могу, а ты вот будешь.

Вдох. И надавить на ребра, имитируя выдох. И вновь вдох... и выдох... кажется, дверь-таки рухнула... двести лет

стояла, никому не мешая, а тут нате вам... родственнички...

Кто-то взвизгнул. Кто-то... кажется, в обморок упал... Громыкнуло... полыхнуло огнем... и я рукой поймала черный шар проклятья, которое впиталось в кожу, не причинив вреда. Напротив, я ощутила прилив сил... а инквизитор закашлялся и задышал. Прелесть ты ж моя неумиручая...

– Отойди от него, тварь! – раздался дрожащий и не слишком-то уверенный голос.

А вот и жандармерия...

Да, определенно, кузина неплохо подготовилась. Сама ли? Сдается, на этакий выверт ее куриных мозгов не хватило бы, но если вместе с тетушкой. Или дядюшкой.

У Мортимера аккурат в жандармерии знакомые имеются... и отнюдь не те, которые ныне к стеночке жмутся и в бедную девушку оружием тычут.

– Еще чего, – я вытерла рот ладонью, запоздала вспоминая, что цвет зелье имело специфический...

– Она его сожрала, – слабо всхлипнула тетушка Фелиция, хватаясь за грудь. Она и глаза закатила, но от обморока удержалась.

– Убийца! – охотно подхватила кузина. – Помогите... помогите мне...

Помогать почему-то не спешили.

Правильно, понимаю... Они рассчитывали обнаружить мои останки и, полагаю, не только мои, а тут целая я... активная, так сказать...

Я руку на грудь Диттера положила. Дышит. И ритм выровнялся. И вообще, кажется, кризис миновал, осталось дождаться, пока глаза откроет... Надеюсь, что откроет и пошлет эту благодарную публику лесом дальним.

– Руки вверх! – Молодой жандарм, на круглой физии которого читалась готовность к подвигу, взмахнул револьвером. – А то стрелять буду!

– Стреляй, – разрешила я, усаживаясь по-турецки. – Но, если ты мне тут что-нибудь разобьешь, возмещать будешь из своей зарплаты.

Жандарм сглотнул.

А то... понаехали тут... вон, ковры затоптали, двери выломали... и никакой управы.

– Сделайте же что-нибудь! – потребовал дядюшка Мортимер и попытался толкнуть второго жандарма, но тот был опытен, солиден и телом, и обличьем, а потому на провокацию не поддался.

– Не положено, – веско ответил он, отступая к двери.

С меня он не сводил настороженного взгляда, явно прикинув, что одной зачарованной пулей меня не остановить, а вторую выпустить я не позволю. И вообще, тише будешь себя вести, дольше проживешь.

Это нехитрое правило было понятно.

– Она же... она его пожирает! – тетушка Нинелия прижалась к стене. – Живьем!

Диттер дернулся. Закашлялся и открыл глаза. Живой, за-

сранец... будет знать, как открывать двери подозрительного вида девицам.

– Целиком не сожрет, – веско заметил молоденький жандарм.

А револьвер у него не форменный. Где только раскопал этакую дуру? Или тоже романчиками Нового Света увлекся? Дух свободы, колоний и прерий... дикари, золото... Может, зря я отказалась поучаствовать в перевозках? Говорят, дело неплохо идет... еще и торговлю наладили спецтоварами для желающих немедля на золотые прииски отправиться?

Или все-таки... Сегодня золотая лихорадка есть, а завтра нет, и пошли убытки.

Я почесала кончик носа, мысленно одоббив принятое когда-то решение. Долго Остербойское товарищество не протянет... наверное.

– Но... но как же?

– Никак не сожрет, – уверившись, что прямо сейчас я нападать не стану, жандарм приободрился. – Даже у нежити желудок имеет ограниченный объем. Некоторые виды, правда, при наполнении его имеют обыкновение извергать свежесохранное...

Несохраннный инквизитор пошевелился и открыл второй глаз. В них мне привиделся немой вопрос.

– Однако и в этом случае остается немалый объем биологического материала для проведения экспертизы.

– К-какой, к матери твоей, экспертизы?! – вскипел дя-

дюшка. А амулетик надеть не решился, благоразумный ты наш... поэтому и нервничает, привык к дармовой силушке.

– Криминалистической. – Жандарм сдвинул серебряную ласточку на лацкане, отправляя сигнал в участок. Стало быть, не пройдет и четверти часа, как прибудет подкрепление.

Странно, что они вообще малыми силами сунулись. Или... два трупа и чем меньше свидетелей, тем лучше... а в толпе за всеми не уследишь, вдруг да заприметит кто лишнего?

– И что исследовать станут? – поинтересовалась я, поддержания беседы ради.

А заодно медленно наклонилась над Диттером. Медленно – ибо нервы у жандармика слабые, приключенческим чтивом расшатанные, еще пальнет... и попадет сдуру, а мне потом с заклятым серебром разбирайся. Может, для нынешнего моего организма особого вреда не будет, но рисковать не хотелось.

– Кости, – подумав, ответил полицейский. С меня он не спускал настороженного взгляда. – Степень погрызенности. И следы погрызов будут сличать со строением челюстей.

– Это важно, – поддела когтем шнур, но тот оказался довольно-таки прочным.

Диттер лежал тихонько, явно не совсем осознавая, где находится и что вокруг происходит.

– А еще концентрацию желудочного сока, – паренек слег-

ка зарделся. – В последнем номере «Нежитиеведения» была статья уважаемого мэтра Крюнгерхдорфа...

А я номерок пропустила. Впрочем, доставляли почту исправно, значит, будет в библиотеке. Как раз и ознакомлюсь. Работы мэтра и в моей душе находили отклик...

– ...что концентрация желудочного сока у ряда видов индивидуальна, к тому же различается содержанием некоторых белковых компонентов...

Шнур поддался. Путы и вовсе развеялись, стоило лишь подумать, и Диттер с немалым облегчением пошевелил руками.

– Он... двигается, – слегка запинаясь, произнесла Нинелия.

– Это агония.

– Двигается!

– Мэтр Брюхгирненнер, наш специалист по вскрытию, утверждает, что в некоторых случаях физическая активность тела сохраняется часами...

Диттер закашлялся.

– А... может, он того... – Нинелия сделала шажочек к двери.

– Невозможно, – веско заметил жандарм. – Способность к трансформации не передается ни через погрызы, ни через ослонение...

– Я его не слюнявила! – Нет, это уже и не безумие даже, а дурная комедия. – И не грызла.

А то мало ли... пойдут слухи, потом не разгребешь. Знаю я местных сплетников, будут со вкусом описывать, как я облизывала свежепреставившегося дознавателя с целью поднять одного из мертвых. И главное, что свидетели найдутся, а здравый смысл и даже вполне себе здравствующий Диттер – не аргумент.

– И половым путем тоже...

Может, этому умнику просто шею свернуть? А что, хрусь и все...

– Я жив, – Диттер соизволил подать голос.

– Это еще доказать надо! – Дядюшка Мортимер был настроен скептически. – Может, он тоже... и вообще, даже если жив, еще не значит, что в своем уме!

На редкость здравая мысль, жаль, что не в нашу пользу.

– Проверить просто, – Диттер коснулся пальцами плеча, потом что-то такое сделал, и мне стало неудобно.

Очень неудобно. Настолько неудобно, что я сама не заметила, как вновь на потолке оказалась.

Нет, я знала, что Плясунья и Осиянный не слишком-то ладят, но вот... ощущение, что с меня шкуру содрать попытались и, главное, не совсем безуспешно. А еще понимание, что знак, на долю мгновения вспыхнувший над головой Диттера, способен меня успокоить. Окончательно. И главное, ему ни кол не понадобится, ни пули зачарованные, ни... достаточно захотеть.

Я зашипела. Вот значит, на что кузина рассчитывала.

Знала? Откуда? Я ведь... я читала об инквизиции... приличный некромант должен знать, с кем его с высокой долей вероятности сведет судьба, но вот... в книгах писали о противостоянии, равновесии, договоре, который обе стороны блюдут с тщательностью завязтых бюрократов... Я знала, что есть у них способы остановить разгулявшуюся тьму, но вот чтобы... а кухня... ишь, поблескивает глазами.

– Убей ее! – велела она.

А Диттер стер знак и поинтересовался:

– С какой стати? Оружие уберите, будьте любезны...

В зеленой гостиной из зеленого были лишь шторы и коллекция нефритовых статуэток в стиле локхау. Вполне вероятно, статуэтки были настоящими и представляли немалую ценность, как и каждая вторая вещь в этом доме, но я к ним привыкла как к предмету интерьера...

– Я... я не знала... – Кухня старательно всхлипывала, прижимая то к одному, то к другому глазу кружевной платочек. – Я лишь... Что теперь будет?

Вот и мне интересно. За такие шуточки, говоря по правде, каторга грозила или, если у судьи случился приступ любви ко всему живому, вечная ссылка. Но что-то подсказывало, кухня выкрутится.

Диттер молчал. Тянул укрепляющий отвар, морщился, то ли от вкуса, то ли от слез кухни. Тетушка хлопотала, уверяя бедняжку, что все поймут... нельзя же из-за недоразумения

жизнь девочке ломать.

Дядюшка Мортимер пыхтел и судорожно пытался сообразить, где выгода. На кухню с ее страданиями ему было глубоко плевать, но вот поодиночке у них шансов против меня не было.

– Я... мне... ромала встретила... она сказала, что на мне венец безбрачия, – кружевной платочек замер в дрожащей руке. – Что поэтому ничего не складывается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.